

Я. Хинтикка

КТО ТАМ ГОТОВ УБИТЬ АНАЛИТИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ?

*Этот текст представляет собой отрывок из статьи **Who is about to kill analytic philosophy?**, опубликованной в сборнике **The Story of Analytic Philosophy / ed. A. Biletzki, A. Matar. – L. Routledge, 1998. – P. 253–269.** Я опустил сноски на литературу, которая по большей части указывает на сочинения самого Хинтикки. Но это не влияет на понимание ощущения Хинтикки, что аналитическая философия идет по неправильному пути. Опущенные из статьи материалы апеллируют к концептуальному аппарату Я. Хинтикки, понимание которого потребовало бы много технических деталей. В целом же интерес представляет критика аналитической философии «изнутри».*

Я мог бы объявить свою тему и мой подход к ней ссылкой на Людвиг Витгенштейна и перспективы, которые встают перед нами в свете его мысли. Его философия интерпретировалась самым различным образом. Для моих настоящих целей, отнюдь не самым лучшим исходным пунктом понимания его мысли было бы то, что можно назвать нигилистической интерпретацией Витгенштейна. Эта линия интерпретации красноречиво представлена в частности Бёртоном Дребеном. В основе ее лежит тот факт, что Витгенштейн верил и говорил, что традиционные философские проблемы обязаны путанице и ошибкам в нашем понимании того, как работает язык. Так называемые проблемы, которые не могут быть разрешены, могут быть только рассосаться.

Соответственно, Витгенштейн не испытывал особого почтения к академической философии, включая аналитическую философию, учитывая, что она является в существенной степени продолжением той самой озабоченности этой путаницей. Не удивительно, что те авторы, которые провозглашают конец философии, пытались апеллировать к Витгенштейну. Иронией является то, что те же самые авторы упустили истинную мотивацию Витгенштейна. Они ошибочно приняли отказ Витгенштейна от плохой аргументации и плохого философского анализа за отказ от аргументации и анализа как таковых. На самом деле, его отчуждение от академической философии не было аспектом его

неприятия, будь то социальное, идеологическое, или же религиозное неприятие академии, ее стиля жизни и ценностей. Это было делом не вкуса, а результатом интеллектуального суждения. Когда Витгенштейн предпочитал детективные журналы журналу *Mind*, его суждения по этому поводу не были социальными, эстетическими или моральными. Чему он возражал в современных философских сочинениях, так это отсутствию в них цели и серьезности, а также путанному мышлению и аргументации, примеров которых был легион. Витгенштейн остро чувствовал трудности в тех философских проблемах, которые он находил важными. Он аплодировал, когда Рассел воскликнул, «Логика это ад!» Я не ожидаю, что хоть когда-нибудь что-то такое воскликнет Ричард Рорти.

Ясно, что Витгенштейн, если бы он был жив, имел бы такое же жесткое суждение относительно большей части последующих философских работ, включая мысли многих из его последователей. Витгенштейн однажды заключил годовой курс лекций следующим высказыванием: «Единственное, что я посеял, похоже, это определенный жаргон».

Имея в виду центральную роль Витгенштейна в истории аналитической философии, я подвержен искушению высветить эту анти-традиционную и анти-академическую сторону витгенштейновской мысли в применении к ней замечания Бертольда Брехта в отношении *Doppelgänger'a* Витгенштейна по Вене Карла Крауса:

Когда аналитическая философия умрет от нашей собственной руки, Витгенштейн будет той самой рукой.

Подобно исходной реплике Брехта, это будет не столько остротой, сколько преувеличением и несправедливостью. И все же она имеет беспокояще значительный элемент истины. Конечно, это суждение нуждается в разного рода уточнениях. Во-первых, упомянутая суицидальная попытка не была успешной. Критическое послание Витгенштейна не было попросту замечено. Даже авторы, которые провозглашали конец философии, делали это, ссылаясь на аргументы, спровоцированные знаменитым гневом Витгенштейна при безошибочном распознавании им неверной интерпретации его идей.

Ряд аспектов недавней философии явно подпал бы под его обвинение. Всякий, кто рассматривает философию Витгенштейна серьезно, болезненно ощущает наличие само-причиненных традиционных про-

блем реализма, которые стали одной из главных тем недавней аналитической философии. Я не могу не считать просто страшным оскорблением философского интеллекта и целостности Витгенштейна попытку интерпретировать наиболее известные темы поздней философии Витгенштейна в терминах самой старой и самой запутанной традиционной философской проблемы, так называемой проблемы скептицизма. Основная эпистемологическая точка зрения Витгенштейна, или скорее, половина ее, состоит в том, что к нашим первичным языковым играм с внутренними ощущениями, концепциями цвета, следованием правилу и т.д. просто не применимы понятия знания, сомнения, определенности, свидетельства, правила и критерия. Вторая часть его позиции состоит в том, что когда мы переходим ко вторичным языковым играм, в которые могут быть включены понятия знания, определенности и свидетельства, мы все же нуждаемся в критериях, но эти самые критерии позволят нам тогда ответить на вопросы, которые беспокоят скептика.

При обсуждении будущих перспектив аналитической философии критическое послание Витгенштейна должно быть принято гораздо более серьезно. Я все же верю, что Витгенштейн был прав, и что большая часть нынешних дискуссий в философских журналах не очень высокого интеллектуального уровня. Если Витгенштейн был прав, в целом статус академической философии должен быть пересмотрен. Витгенштейн отговаривал большую часть своих учеников от академической карьеры. Должны ли мы вероятно применить те же самые соображения в отношении философских департаментов, а не к индивидуальным философам?

Куайновские непостижимости

Было бы ошибочно отбросить витгенштейновское отрицание конструктивных возможностей специфически философской мысли как одну из его многочисленных идиосинкразий. То же самое отрицание обнаруживается в менее бросающихся в глаза форме и с различным идеологическим загибом и у других влиятельных мыслителей, и не всегда там, где этого можно ожидать. В те дни логических позитивистов обычно было принято обвинять в представлении заведомо узкого взгляда на то, что философия может и что она должна. На самом деле, именно критики логического позитивизма в рамках аналитической

традиции лишили философов их *mütier* (ремесла). Не будет таким уж спорным предположением, по крайней мере для аргументации, что собственное исследование в философии есть мир мысли, наш концептуальный мир. И будет не в большей степени спорным, для наших настоящих целей, мыслить о языке как о *das Haus des Denken*, конкретным проявлением этого третьего мира концепций и мысли. И если это так, рациональная саморефлексивная философия неизбежно включает использование языка для обсуждения языка. Но это как раз то, что универалистская позиция в философии XX века полагает невозможным. Эта традиция исследована в моей недавней работе (Hintikka J. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator*. – Dordrecht, Kluwer Academic, 1996), в которой показана недостаточность такой позиции. Эта традиция представлена под различными прикрытиями такими удивительными компаньонами как Фреге, Витгенштейн, Хайдеггер и Куайн.

Последний из этих джентльменов может служить объектом краткого *case-study*. Принимая во внимание радикальное предположение Куайна о невыразимости значения, не следует удивляться, что он заканчивает непостижимостью указания. Даже если его аргументация безупречна, он не доказал неопределенности радикального перевода и непостижимости указания, исходя из непроблематичных посылок. Скрытые предпосылки в куайновской линии размышления в некотором отношении более ограничительны, чем его заключения. Поразительным в куайновской аргументации является не то, что он доказывает непостижимость указания, а то, что он предполагает невыразимость семантики и много больше. При его скрытых ограничительных предположениях не удивительно, что он не видит никакого смысла в таких понятиях как аналитичность и необходимость. Все что при этом имеет место, есть, тем не менее, иллюстрация великого принципа логической аргументации: что предположишь, то и получишь.

Одна из причин, по которой истинная природа философии Куайна не была понята, состоит в ее нерефлексивном характере. Он самый наименьший коллингвудовец из современных философов. Подобно Юму, он не соотносит свои идеи с их историческим контекстом или с их исходными предположениями, а представляет их как нечто такое, что каждый добротный эмпирист будет явно приветствовать. Например, только тогда, когда работа Куайна рассматривается в исторической перспективе, эссе типа «Две догмы эмпиризма» будет видно как то, что оно есть: не столько мародерство в дебрях философских идей, сколько критическое обозрение работы

Карнапа *Значение и необходимость*. Проклятие последователей Куайна состоит в том, что те, кто не может признать своих предположений, обречены на переутверждение их.

Одно следствие предположений Куайна очевидно. Если мы не можем говорить о семантике в том же самом языке, мы не можем рационально исследовать наш концептуальный мир. Самое большее, что мы можем сделать, это подойти к семантике нашего языка в терминах эмпирической бихевиористской психологии. По той же самой схеме, единственное, что мы можем сделать в эпистемологии, это научное исследование человеческих когнитивных способностей и человеческого выводного поведения. Куайн просто был смел в своих заключениях, когда призывал к натурализации эпистемологии.

Я не утверждаю, что Куайн был полностью неправ в утверждении, что эпистемология должна быть натурализована. Но при этом не надо упускать, что это гораздо более летальный способ избавления от философии как независимой дисциплины, чем любая критика Витгенштейна. Потому что – с некоторыми существенными исключениями – философы типа Куайна не имеют необходимых средств сделать больше, чем кабинетная психология или кабинетная лингвистика. Мой собственный опыт аналитической философии из первых рук сделал меня чувствительным к этому вопросу. В то время как я слышал ссылки на «натуралистическую эпистемологию», я не мог не вспомнить блестящей, хотя и не законченной работы Эйно Кайла, эпизодического участника Венского Кружка, который был полностью компетентным психологом и смог применить свои прозрения в психологии к анализу человеческого познания. Его «натуралистическая эпистемология» была гораздо лучше по сравнению со своей недавней инкарнацией.

Негативная парадигма Куна

Подобные замечания применимы далеко за пределами философии Куайна. Например, «новая философия науки», запущенная Куном, обычно представляется как обогащение наших идей в том, что входит в действительную жизнь науки. Но в критической философской перспективе главным источником этой традиции является чрезвычайно узкая идея того, что может быть осмысленно сказано в языке философии науки, а не только показано средствами парадигм. Причина, по которой это больше не является больше важным в сочинениях Куна, та

же самая, что и у Куайна. Он иллюстрирует очень хорошо его собственное утверждение о том, что большинство мыслителей не осознают свои собственные «парадигмы». Но когда его прижимают, Кун быстро ищет спасения в ограничительных предпосылках. Например, Кун заявляет, что не имеет смысла говорить, если прогресс в науке зависит решающим образом от его тезиса, то мы не можем осмысленно говорить в науке о близости к истине. Но если мы можем говорить об истине, то требуется также тщательный анализ того, как понимать близость к истине. Отсюда при окончательном анализе Кун должен полагаться на некоторую версию невыразимости семантического утверждения. Тезис о невыразимости истины был на самом деле фокальной точкой в кризисе логического позитивизма. Недавние работы, тем не менее, не опровергают заявлений различного рода о неопределимости и невыразимости. Мы должны очень серьезно отнестись к возможности, что реалистическая концепция истины является неистребимым ингредиентом нашей собственной *Sprachlogik*.

Отсутствие философского самоосознания, характерное для теорий Куна, является тем же самым, какое проявляет философия языка Куайна. Использование «новыми философами науки» таких понятий как теоретическая нагруженность наблюдений, или несоизмеримость теорий знаменуется поразительно поверхностным уровнем осознания того, что включают в себя эти понятия. На самом деле я показал, что ни одно из них не поддерживает пессимистические заключения, ради которых они и были привлечены.

Точно так же, как честное заключение Куайном из своих представлений о языке состоит в том, что серьезная философия языка должна быть заменена бихевиористской лингвистикой, единственно разумное заключение из принятия идей Куна, как они интерпретируются его последователями, состоит в том, чтобы обратить философию науки в историю и социологию науки. По моему мнению, это не только положило бы конец подлинно философским попыткам понять науку, но и обеднило бы неизмеримо историю и социологию науки. И это обеднило бы наше понимание самой науки.

Интуиции, которых нет

Туманный взгляд на перспективы нынешней аналитической философии углубляется взглядом на методологию и способы аргументации,

которые типично используются аналитическими философами. В этом департаменте пышным цветом расцвела такая халатность. Если я нау-гад открою статью, опубликованную в наши дни в философском журнале на английском языке, то с большей вероятностью я найду в ней апелляцию к интуиции в поддержку взглядов автора. Иногда вся задача философской статьи или книги заключается в том, чтобы систематизировать наши интуиции относительно исследуемого предмета.

Я нахожу подобную практику скандальной. В прошлом каждый видный философ, который зывал к интуиции, имел теорию или по крайней мере объяснение того, почему мы можем получить новое знание или понимание, размышляя над нашими собственными идеями. Аристотель находил основание для такой апелляции к интуиции в своей теории мышления как истинной реализации форм в душе мыслителя. Декарт находил ее в своей теории врожденных идей, Кант – в своей трансцендентальной теории математических отношений, наложенных на объекты нами самими в акте чувствования-ощущения, что делает их интуитивно познаваемыми, то есть, открываемыми средствами того, что мы назовем интуицией. Но современное использование интуиции в философии редко подкрепляется таким обоснованием. Уже этого вполне достаточно, чтобы такого рода апелляции к интуиции эти выглядели в высшей степени подозрительными.

В исторической перспективе происшедшее поразительно понятно. Методологически не подкованные философы начали в 1960-х имитировать Хомского, или скорее имитировать то, что они приняли за методологию Хомского. Эта методология воспринималась как существенное полагание на интуицию компетентного говорящего по поводу грамматически различных цепочек символов. Иногда задача грамматика характеризовалась как регламентация таких интуиций. Чего с самого начала не понимали философы, имитирующие Хомского, так это того, что он был тайным картезианцем, который имел за собой скрытое подкрепление своей апелляции к интуиции, которая по крайней мере удовлетворяла его. Увы, огромное число философов, которые в наши дни зывают к интуиции, не являются картезианцами, и не имеют никакой другой теоретической поддержки для своей апелляции к интуиции. Поэтому они не предлагают никаких резонов в пользу того, почему мы должны доверять любому их заключению, которое прямо или косвенно основывается на апелляции к интуиции.

Если проанализировать так называемые интуиции философов, то в большинстве случаев они оказываются производными от притязаний

на знание, основанных на самом деле на логике, наблюдениях, неявных прагматических резонах. Парадигмальным случаем является «интуиция» Шерлока Холмса в отношении догадки, что доктор Ватсон прибыл из Афганистана. («У меня есть интуиция...»). Холмс, тем не менее, первым признается, что его «интуиция» есть результат «тренировки мысли», которая «так быстро проскакивает через мой ум, что я прибываю к заключению без осознаваемых промежуточных шагов. Однако, такие шаги должны быть.» Может быть, здесь мы имеем иллюстрацию витгенштейновских резонов в предпочтении детективных историй философским журналам.

Как бы то ни было, главное изменение заключается в порядке аргументативной практики аналитических философов. У меня есть искушение предложить долгий мораториум на неанализируемые апелляции к интуиции в философской аргументации, за исключением случаев, когда автор может привести дальнейшие резоны, чтобы мы поверили его интуиции.

Заметим, что в этом вопросе я воздерживаюсь от воображения о том, какое отвращение Витгенштейн питал бы к апелляции к интуиции в философской аргументации. Мне в данном случае не нужно прибегать к его авторитету. Моя точка зрения достаточно остра даже и без апелляции к Витгенштейну.

Полтора набора истин о Витгенштейне

Однако подлинное послание, которое я хочу передать вам в этой главе, – это диаметрально противоположность пессимизму. Опять-таки, я могу проиллюстрировать ссылкой на Витгенштейна. Он был философским гением, но он был социально и интеллектуально одиноким волком, который не предполагал никакой ответственности за многие институты нашего общества и культуру, и не проявлял к ним никакого интереса. Он боролся против своих личных демонов, или более точно, против очарования своего интеллекта сиренами нашего языка. Эта схватка была для него истинным «долгом гения». (Здесь и лежит на самом деле его близкое сходство с Карлом Краусом.) Витгенштейн отвергал многие из наших интуиций с такой страстностью, если не сказать, с ненавистью, с которой он отверг свою собственную семью. И это безразличие ко многому самому лучшему в нашей культуре и отвержение его не ограничивается академической фило-

софией. Витгенштейн ни питал симпатии к математическому или физическому теоретизированию, да и не обладал их подлинным пониманием. При всей его эстетической чувствительности, в нем не было ощущения элегантности и силы математической теории. Нет никаких указания на то, что он оценивал или даже знал о таких вещах как теория Галуа, исчисление остатков, теория поверхностей Гаусса-Римана или теория гильбертовских пространств. Подобным же образом он был в высшей степени лишен интереса к подлинно философским проблемам, которые возникли в современной физической теории. Больше того, логика была для него лишь средством устранения личных проблем с путаницей и неверным пониманием, а не средством помощи математикам и физикам в их работе. Согласно Кейнсу, Витгенштейн возражал против «ранних убеждений» своих кембриджских друзей, говоря, что у них нет почтения «ко всему и ко всем». Но в некоторых аспектах жизни он переплюнул Блумсбери своей нигилистической позицией.

Все это не влечет никаких существенных возражений против того, что Витгенштейн делал на самом деле в философии. А следует то, что в большинстве случаев Витгенштейн понятия не имел о конструктивных возможностях своих собственных идей, или же не проявлял к ним интереса. Эти возможности влекут важнейшую оговорку в отношении ранее упомянутых нигилистической интерпретации. Допуская, что эти конструктивные возможности не интересовали Витгенштейна, надо признать, что они имеют решающую важность для нашей профессии в нынешней ситуации.

Нигилистическая интерпретация Витгенштейна должна восприниматься с чрезвычайной осторожностью. То, что отдается должное намерениям Витгенштейна, не значит, что отдается должное потенциальным возможностям его идей. Для того чтобы полностью оценить мощь его идей, следует развить их дальше, чем это сделал сам Витгенштейн, и дальше, чем он сам хотел бы их развить.

Самым простым и в то же самое время самым значимым примером такого конструктивного использования идей Витгенштейна является его знаменитое понятие языковой игры. Как я показал, все, что мы должны сделать (после выяснения, что сам Витгенштейн имел в виду под этим термином), это понимать его более буквально, чем он сам, и применить к его языковым играм концепцию математической теории игр. В результате, аргументирую я, получаем наилучшую из имеющихся семантическую теорию естественных и формальных языков.

Вину за отсутствие использования этих возможностей можно частично возложить на *soi-disant* (мнимых) последователей Витгенштейна, которые не сумели использовать его идеи в конструктивных целях. Единственное извинение, которое я могу вообразить для них, это то, что эксплуатация этих идей Витгенштейна заведет нас за пределы того, что делал и говорил сам Витгенштейн. Но тогда они должны были признать истинность замечания Карла Крауса о полуторном наборе истин, который требуется для преодоления полуистин. В течение жизни Витгенштейна его самопровозглашенные друзья не обрели смелости для того, чтобы заставить его соотнести его идеи с тем, что происходило в современной логике, математике, психологии и физике. Фрэнк Рамсей был вероятно единственным философом, кто мог бы сделать это, что делает его преждевременную смерть двойной трагедией. Витгенштейн принес в жертву невероятно огромное унаследованное материальное богатство в пользу простой жизни. Мне кажется, что он также пожертвовал огромным интеллектуальным богатством, отказываясь от использования своих философских идей в конструктивных целях.

Суть моего взгляда состоит в том, что даже независимо от идей Витгенштейна, существует поразительное богатство в форме новых возможностей, доступных современной аналитической философии. Я сильно верю, что выживание аналитической философии зависит от осознания философами этих возможностей и их использования. Другая сторона медали состоит в том, что мы первыми должны избавиться от ошибок и неправильных представлений до того, как начать использование новых революционных возможностей.